

НАУЧНЫЕ АСПЕКТЫ ЭПИСТОЛЯРНОГО ТВОРЧЕСТВА Ю.Г. ВИНОГРАДОВА

Трудно примириться с трагической утратой, внезапно постигшей отечественное антиковедение. Ю.Г. Виноградов – выдающийся ученый с мировым именем уже с первых лет научной деятельности обратил на себя внимание как талантливый эпиграфист-первопроходец, неординарный исследователь античной истории Северного Причерноморья. Вряд ли при ее дальнейшем изучении можно будет обойтись без его трудов, ярко демонстрирующих уникальную эрудицию автора, его научную активность, чрезвычайный интерес к самым разным темам, нетрадиционные взгляды и выводы, оригинальные концепции, размах научных планов, многие из которых, к сожалению, так и остались неосуществленными.

В данной публикации, по просьбе друзей Ю.Г. Виноградова, я кратко коснусь некоторых аспектов его эпистолярно-научного творчества только первых трех лет (1972–1974 годов) как дополнительной и неотъемлемой части его работы и жизни. Моя переписка с Ю.Г. началась задолго до личного знакомства с ним. Во время командировки зимой 1972 г. в библиотеке Античного отдела Государственного Эрмитажа ко мне подошел И.Р. Пичилян и сказал, что они с Ю.Г. с интересом прочитали мои статьи об Ахилле и Коре-Персефоне и у Юры имеются какие-то замечания и пожелания, о которых он очень хотел бы мне написать; поэтому, если меня интересует его точка зрения, то лучше всего передать ему краткое письмо. Очевидно, так и было сделано. Вскоре я получила большое письмо, в котором Ю.Г. со свойственной для него открытостью и благосклонностью отозвался о моих первых публикациях, связанных с темой кандидатской диссертации о хтонических культах Ольвии¹. В силу различных обстоятельств я поздно начала заниматься их исследованием. К тому же эта тема в то время, как известно, не находила поддержки среди археологов, которые обычно чаще всего изучали археологические памятники и материалы. Толчком для одобрения темы о культах послужили мои раскопки Бейкушского поселения, где было открыто святилище Ахилла с большим количеством оригинальных мотивов с граффити. Поэтому, естественно, что для меня очень важно было узнать любое мнение о моей интерпретации совершенно новых и необычных источников.

«Мне очень приятно, что Вы сейчас интенсивно занимаетесь граффити – совсем забытой у нас категорией надписей, – писал Ю.Г. – Мне особенно приятно это, так как я сам питаю, как Вы знаете, к ним давнюю страсть. Прежде всего мне хотелось бы поделиться с Вами некоторыми впечатлениями по поводу двух Ваших последних публикаций.

Бейкушские остраконы. Материал хорошо Вами классифицирован. Я бы только объединил вместе Ваши группы II, IV и Агрота из гр. V, так как они имеют общие признаки: рисунок + надпись. Я думаю, что степень сокращенности (1 или несколько букв имени Ахилла) слишком незначительный критерий, чтобы эту категорию дробить на группы. В этом же убеждают и совершенно однотипные кружки II гр. и IV гр. Вполне понятно, что Вы проявили максимум осторожности в интерпретации; однако, я бы сделал и более далеко идущие выводы. Мне кажется, что эти кружки не просто вотивы, а вотивы, имеющие значение своего рода оракулов – вопросов – просьб к Ахиллу, имеющих в виду пожелание успеха их автору в отдельных отраслях экономической жизни. Например, изображение рыбы и, особенно, рисунки (рыба, попавшая в сети) – явно пожелание удачи в рыбном промысле. Изображение махайры (с надписью один раз) – может быть успех в этом виде ремесла или в военном деле (?). Этот аспект бейкушских вотивов сочетался, несомненно, с магическими заклинаниями – просьбами; на эту мысль наводит черепок I из V гр. – там явный алфавит: (A)BΓΔ(ZH)ΘΙΕ, пропуск букв встречается часто и смущать не должен. Итак, три аспекта

¹ Речь идет о статьях: *Русяева А.С.* Культові предмети з поселення Бейкуш поблизу о-ва Березань // *Археологія.* 1971. № 2. С. 22–29; *Культ Кори-Персефони в Ольвії* // *Археологія.* 1971. № 4. С. 28–40.

кружков: вотивы – оракулы – магия. Отдельные замечания: итифаллические фигурки надо связать с хтоникой → плодородием. Ср. изображение такой же фигурки в ольвийском склепе Зевсова кургана. (Там тоже сочетается со змеей!) Кружки под и над волнами мне не совсем понятны. Надписи: 1 чер(епок) V гр. – после алфавита идет явно имя ΑΓΡΟ(Τ)Ο(Σ), несколько небрежно написанное. Перед ним: Η, ее нужно сблизить с ΙΗ на втором кружке V гр. Там это сочетание стоит не только в начале, но и в конце надписи (проверьте! я смотрел оригинал). Его надо истолковать, вероятно, как вокативное междометие ιή! – “о, ах”! Непонятно, зачем Вы исправляете последнее слово на ΟΙΚΟΘΗΝ (= ΟΙΚΟΘΕΝ) в оригинале стоит правильная форма οίκουθεν. Едва ли ιή – дериват от εἶμι – “пойду”, какой тогда смысл? Глагол στέλλει – конечно, conjunctivus adhortativus и правильно здесь у Вас переведен “нехай надійшле” (в отличие от Арх. иссл. II, где “послал”). Интересна форма 'Αγροτος в отличие от поздней лапидарной 'Αγρότας. Вообще, весь материал исключительно интересный и своеобразный.

Культ Коры (граффито). № III. Очень интересно повторение ΔΔ здесь и в рис. 3,1 и в № IV. Особенно примечательны пары букв в № IV: ΔΔ, ΣΣ, ΝΝ (а не ΖΖ – так дзета в V в. не писалась). Я бы сблизил это явление с надписью (магической) у Толстого № 61, где имеется ΔΣΣΣΣ. № VIII и IX. ΔΗ – вполне вероятно – Δη(μήτηρ), особенно, если учесть этимологию имени: Γῆμήτηρ, т.е. Δη собственно и есть уже Γῆ. В № IX группа ΠΕΡΣ (перечеркнутое. – А.Р.) это, вероятно, false start (по выражению Jeffery) имени Περσεφόνη. Автор начал писать, потом передумал, зачеркнул и нацарапал Κόρη. Далее, я думаю, надо читать не ΟΙΚΑΒΙΡΟΙ, а διοι Κάβιροι, причем διοι здесь не обязательно “божественные”; скорее – “зевсовы”. Если это так, то мы имели бы синкретизм кабиров с диоскурами. Это очень интересная проблема, поскольку в таком случае ольвийских кабиров надо сблизать не с фиванским, а с самофракийским вариантом. Очень соблазнительно привлечь надписи IOSPE № 191 и NO № 67, однако там эллинистическое время. Хорошо бы Вам специально заняться этим вопросом. Итак, всю надпись я бы читал: 1. Δη(μήτηρ), {[Περ(σεφόνη)]}, Κόρη, Ε, διοι Κάβιροι Н... 2. Δη(μήτηρ) 3. Δη(μήτηρ). Зачеркивание я принимаю за разору².

№ XI. Поражает чисто элевсинский набор божеств. Я думаю, после 'Ιάκχῃ надо читать ἐξ – плохо сохранившееся. Интересна флексия – ως в имени Ксантиппа, если это не описка, – диалектальных параллелей в Ионии я не знаю. Вторую строку понять трудно, может быть здесь опять фальшстарт имени Ξάνθιππος³?

Теперь перехожу к своему обещанию. Я не так бы хотел остановиться на рисунках, как изложить отдельные соображения по поводу т. наз. «намоток», тем более что многие остраконы Вам известны (часть даже хранится у Вас). Если неизвестные Вам заинтересуют Вас, то я пришлю хорошие прорисовки. Я думаю, что «намотки» имели гораздо больше разных функций, чем просто утилитарную – основа для наматывания и хранения ниток. К такой мысли я пришел, сопоставив ряд подобных остраконов (их называть надо именно так, как показывают надписи – см. ниже) с именами, преимущественно мужскими. Какой смысл было подписывать столь бросовую вещь, на изготовление которой из «подножного» материала уходит всего пара минут? В Британском музее хранится один остракон (правда, не обработанный как намотка) с надписью: Τέως τὸ ἐστὶ τοῦστρακὼν (τὸ ὄστρακον) – см. A Guide to the Exhibition Illustrating Greek and Roman Life. Brit. Museum. 3 изд. London, 1929, стр. 8. Руге, который его там издал, видел в надписи «an idea of actual object». Но что должна обозначать такая идея? Я обратил внимание на то, что многие намотки имеют явно выраженную антропоморфную форму, т.е. перехват у них не посередине (как вообще, было бы удобнее для наматывания), а сдвинут к краю. Например, намотка с именем Παρμένον (ΣΓΑΙМК I, стр. 178, рис. 4 – из Ольвии). (Здесь же приведен рис. этого граффито. – А.Р.). Это навело меня на мысль, что намотки несут какую-то идею изображения человеческой фигуры. Эта мысль подтверждается остраконом О-47/47 (хр. ИА АН УССР) с надписью τύπα – «изображения, рельефы». Какой же смысл имело написание на них имен собственных? Я думаю, это объясняют ольвийские остраконы – намотки – О – 59/1268 и 1269 (ЛОИА) с надписями καὶ Ταυρίωνος и κα(κὰ) Ταυρίωνος – здесь явно пожелание зла Тавриону, т.е. настоящее заклятье. Есть и с пожеланием добра (О-59/1267 – ЛОИА): εἰμι Εὐάρεος ἢ Εὐάρινας εὐ⁴. Последний остракон объясняет другие подобные надписи без указания εὐ

² Эта надпись впоследствии получила разную интерпретацию. См. лит. и несколько иное чтение: Vinogradov Ju. G., Rusjaeva A.S. Phantasmomagica Olbiopolitana // ZPE. 1998. Bd 121. S. 162.

³ Ibid. S. 161–163.

⁴ Впервые опубликовано: Ibid. S. 157. Taf. X, 3 b, c, d.

или какὰ, напр. (ОГАМ, 71986): εἰμί: Κέρδωνος || Σωσικ(λέος), ср. указанные выше в СГАЙМК I и Guide. Отдельные остраконы имеют более сложную антропоморфность, напр. О-48/2474 (ИА АН УССР). Здесь магия алфавита (первая буква альфа). (Схематически нарисован остракон с тремя альфами вверх и четырьмя – вниз – А.Р.) Сюда же надо отнести и опубликованные Вами намотки с именем Кору (№ 2, 3). Известно, что Кора после Гермеса чаще всего упоминается в заклятиях (см. E. Kagarow. Griechische Fluchtafeln. Leopoli, 1929, стр. 59). Какой же смысл имели вырезы на остраконах? Я думаю, что именно для наматывания, вернее для связывания, так как основной глагол, фигурирующий в заклятиях – *καταδέω τὸν δεῖνα* – «связываю того-то». Действие было таково: заклинаящий изготовлял «намотку», писал (или не писал) на ней имя своего противника (или только буквы или магические каракули), потом обвязывал все ниткой, нашептывая при этом имя заклиняемого и магические заклятия, а потом бросал туда же, куда бросались и свинцовые таблички – в могилы, колодцы, храмы и т.п. Таким образом, это более «дешевый» вид заклятий. Аналогия ему – Rascheruppen со связанными руками и т.п. (см. Kagarow, стр. 4 сл.). Например в случае с Парменоном – *τίπον* Парменона, это и есть сам Парменон и я его связываю! Как это было часто в магии, греку достаточно было просто написать одну или серию букв и произнести слово, а не обязательно писать его целиком. Это делает вероятным магическое заклинятельное использование «намоток» без надписей. Интересно, что, насколько мне известно, эта категория материала встречается преимущественно в ареале Побужья – *Olbia et vicinia*, напр. на Боспоре (как мне говорили) они редки. Но был, вероятно, и еще один аспект применения остраконов – амулеты. Есть один интересный черепок с надписью из Афин – 2 пол. VI в. – L.H. Jeffery. *The Local Scripts of Archaic Greece*, Oxf. 1961, стр. 74, таб. 4, № 33)».

После этого письма, сохранившегося не полностью, и началась переписка с Ю.Г., которая с перерывами (многие вопросы решались по телефону или при встречах) продолжалась до 19 марта 2000 г., когда он – незадолго до отъезда в Германию написал свое последнее письмо ко мне. Дальше в настоящей публикации будут приведены в отрывках разнообразные научные размышления и взгляды Ю.Г., свидетельствующие о том, что уже в то время (он еще только писал, а затем защищал кандидатскую диссертацию об экономике Фасоса) основу его главной работы составляли разнообразные надписи из городов Северного Причерноморья, главным образом Ольвии, которым он в итоге посвятил всю свою совсем недолгую жизнь.

«Я не думаю, что стоило бы так протестовать против приложения к бейкушским (и ольвийским) кружкам и "намоткам" термина "остракон". Я понимаю, что в современной науке он выкристаллизовался в одном смысле в связи с известной процедурой афинской экклесии, но самими древними он применялся гораздо шире – для обозначения осколка сосуда, вообще, а также и для целого сосуда, т.е. наше "черепушка", "плошка" (ср. комм. Толстого к № 241, такая надпись внутри килика есть в ГМИИ из раскопок Пантикапея 1947 г.: ОСТРАΚΙΟΝ по кругу). Кроме того, как я уже писал Вам, в Brit. Mus. хранится черепок с надписью, где нет и намек на остракизм и его надо сближать с ольвийскими "намотками". Я думаю, что с оговорками подобного рода термин принять можно. Что касается оракулов, то я имел в виду вот что. Я не усматриваю в бейкушских кружках чистые оракулы, т.е. вопросы, обращенные в письменной форме к божеству, с одновременным намеком на просьбу об успешном завершении того или иного дела, с вопросом о виновниках того или иного происшествия (напр. кражи) и т.п. (см. хотя бы Syll/3 №№ 1160–1166 – Додона). Но я думаю, что в этих кружках есть элемент той же идеи, только выраженный не в письменной, а в пиктографической форме. Магия же, вообще, тесно переплетается с оракулом – напр. те же *defixia* – нечто иное, как просьба подземным божествам "связать" или "проклясть" такого-то. В отношении Кабириов Вам и карты в руки; по этим божествам есть обобщающая прекрасная работа: V. Hemberg. *Die Kabiren*, Uppsala, 1950, которая Вам наверняка известна. Что же касается моих идей, то я Вам их передаю безвозмездно... Теперь самое главное – относительно Корпуса граффити СП. Я давно задумывал такую работу и призывал к сотрудничеству ряд лиц, хотя и безуспешно, поэтому буду рад присоединиться к числу вероятных авторов этого крайне необходимого, но и крайне ответственного труда. Вот вкратце мои соображения на этот счет.

Я считаю, что сам принцип И.И. Толстого издавать *graff*, по музеям абсолютно неверен, и в этом отношении он своей поспешностью навредил, так как на Западе решили, что III том IOSPE будет издаваться именно в такой форме (ср. L. Zgusta, *Die Personennamen der nord. Schwarzmeerküste*, стр. 8 сл.). Граффити, как и надписи вообще, надо издавать только по местам находок. Далее о работе акад. Толстого: он поспешил во многих отношениях: во-пер-

вых, он подошел к своей задаче как филолог, а не как эпиграфист, руководствуясь лишь эрмитажной коллекцией и абсолютно не знал аналогий – отсюда его фантастические чтения, например, № 67, 80, 84, 106, 150, 165, 245 и др. Далее И.И. пропустил многое в Эрмитаже, напр. известное graff. на светильнике с Березани ΛΥΧNONEIMI и т.д. Неверен и принцип иллюстрации одними рисунками (хитрую мотивировку его см. на стр. 6). Я думаю, надо сопровождать рисунками абсолютно все керамические надписи, а на наиболее интересные и важные, давать + фотографии (фото на все надписи сделает издание бешено дорогим и не экономичным). Толстой пропустил в леммах и многие публикации издаваемых им graff.: так № 108 был издан до него 4 раза (!), а он не привел ни одной публикации. Поэтому я предлагаю следующий порядок создания Корпуса.

I. Сбор уже изданных graff. по публикациям (мною уже обработан ряд периодических изданий).

II. Обработка материала по коллекциям с заполнением эпиграфической карточки.

III. Окончательное оформление манускрипта.

Эпиграфическая карточка. Для нее лучше всего использовать перфокарту, я думаю, это пригодится для дальнейшей классификации надписей по группам и по другим признакам» (далее в письме дается подробное изложение того, что должна содержать эпиграфическая карточка и примерный образец – А.Р.).

«Вероятно, в процессе работы возникнут уточнения образца. Я думаю, надо планировать этот том содержащим graffiti Ольвии et vicinia (Березань, Бейкуш и т.д.) и считать его одним из fasciculi IOSPE III (хотя он и будет на русском языке). Для этого, разумеется, надо поднять качество издания до максимального. В Корпус надо включить все граффити (надписи по сырой или обожженной глине) на всех видах керамической продукции, включая терракоты и сигнатуры мастеров на привозных римских светильниках и т.п. Все издание предлагаю предварить общим введением, кроме того особое введение – к каждой группе надписей по содержанию, а они следующие:

I. Общественного характера (напр. списки имен в ольвийском дикастерии).

II. Религиозного характера.

1. Посвящения (сначала коллегий, напр. нумениастов, потом частных лиц). а) посвящение с именем божества; б) посвящение без имени божества; в) отдельные имена посвятителей (из бесспорных святилищ).

2. Магия.

III. Имена (читающиеся полностью или частично).

IV. Отдельные буквы, группы букв и монограммы.

V. Торгово-производственного характера: 1) Сигнатуры мастеров;

2) Торгового назначения: а) цифры и названия сосудов; б) упоминание содержимого и прочие пометки.

VI. Застольные.

VII. Погребальные урны (если они есть в Ольвии).

VIII. Рисунки.

IX. Varia.

X. Граффити непонятного содержания (тамги и подоб.).

Я не считаю справедливым мнение Э.И. Соломоник, следующей Э.Р. Штерну, о том, что буквы типа ΑΠ, ΑΡ, ΔΙ и т.д. обозначают несомненно Аполлона, Артемиду, Зевса и т.д. Свои аргументы здесь изложить не могу, лучше в другом письме. Ну вот, главные мои соображения, детали можно говорить особо. Напишите Ваше мнение. На конгресс в Мюнхен никто из Москвы или из Ленинграда не поедет, так как не удастся создать делегацию, буду рад, если это удастся Вам. Я в экспедицию в этом году не еду, поджигает диссертация. Работу над Корпусом смог бы начать не раньше будущего года» (Москва, 6.VI.72).

«Я написал диссертацию на тему "Экономическое развитие о-ва Фасос в V–IV вв. до н.э.", основу которой (точнее, второй ее части) составила моя статья о клеймах в НЭ Х, которая, тем не менее, не вошла в саму дисс. работу. Защита едва ли состоится весной, скорее это будет осенью. С эрмитажной конференцией дело обстоит так: у меня есть доклад на тему "Социально-демографическая структура населения Ольвии VI–I вв. до н.э.", который я готовлю для конференции в Берлине тоже в ноябре этого года. Если поездка туда не состоится, я буду его читать в Ленинграде. Теперь о Корпусе. Я постепенно начинаю обработку материала. Карточка Соломоник нас удовлетворить не может, так как она не эпиграфическая, а просто инвентарная музейная карточка. У меня разработана специальная карточка на graffiti, печатание которой я попробую протолкнуть через администрацию

нашего института. Я в феврале был в Ленинграде и смотрел, между прочим, в ГЭ граффити, опубликованные Толстым. Оказывается, что довольно многое им не издано, а то, что издано, нуждается в коренной переработке. Exempli gratia приведу № 61. Оказывается, в стк. 5, где у него скопирован знак D, на самом деле стоит: *(нарисована монограмма, состоящая из пи, внутри которой сигма. – А.Р.)*, т.е. = 5 статеров. Таким образом, надпись из магической превращается в долговую расписку (ср. стк. 3: ΔΣΣΣΣ = 14 статеров). И многое тому подобно. Я говорил с Е.И. Леви, которая подготовила работу о посвященных граффити из теменоса – она согласна включить ее в Корпус. Хорошо, если Вы ей официально пошлете приглашение принять в нем участие» (Москва, 13.IV.73).

«Я сейчас временно ослабил работу над граффити, так как готовлю к публикации ольвийские надписи из Вашего ин-та. Особенно интересна большая стела из коридора⁵. Я уверен, что это наиболее интересная надпись III в. со времен находки Протогеновского декрета. Она дает очень много новых и важных сведений об истории Ольвии этой эпохи, например, о распределении хлебных пайков между гражданами – ситометрии, о военном флоте Ольвии, о социальных волнениях и т.д. Интересна она и для топографии и археологии города – так, в ней впервые упоминается здание коллегии семи. Много нового она дает и для собственно ольвийской эпиграфики. В этой связи я заинтересовался другими документами Ольвии этой поры, и этот мой интерес выливается сейчас в большую работу под названием "Ольвийские эпиграфические этюды", которую я думаю дать в НЭ. Так я полностью восстановил смысл и текст надписи НО № 28 + 29, передатировал многие надписи, для многих определил содержание, несколько соединил (одну даже в контакте!). Работа, несомненно, создаст базис для грядущего переиздания IOSPE I(3) (Ольвия). В этой связи у меня к Вам просьба. Если можно, подтвердите при случае в секторе мое право (данное мне в прошлый мой визит в Киев вашими сотрудниками) на публикацию этой стелы. Не сочтите мою просьбу нескромной. Мне не хотелось бы, после того как на надпись потрачено столько труда, и она почти готова, отдавать ее кому-то, хотя я и не вижу пока, кто мог бы за нее взяться – ведь это очень крепкий орешек, и нужно много терпения, чтобы его разгрызть. Потом, я не знаю точных обстоятельств ее находки, в частности, меня интересует, почему она вытерта посередине. Я слышал, что ее как будто во II в. до н.э. положили в порог дома. Так ли это?... Но мои "лапидарные" дела совсем не заставляют меня позабыть о граффити. Я совершенно согласен с Вами, что в Корпус надо включить и граффити хоры и прежде всего – Березани. Все березанские надписи из Эрмитажа у меня списаны. Их немного, но есть интересные... Вам надо как-то дипломатично к нему *(т.е. к В.В. Лапину. – А.Р.)* подойти и попросить у него для публикации граффити из его раскопок, которые он мне, между прочим, обещал отдать в 1967 г. У него есть очень интересные находки, например, надпись на ножке клинка в три круга. Буду надеяться, что Вам это удастся сделать⁶. Я в этом году еду на Березань, а в сентябре в Ольвию» (Москва, 3.VI.73).

"Много времени заняла подготовка диссертации к защите, которая, наконец, состоится в декабре этого года. Вот почему я вплотную не успел заняться обработкой граффити. С нового года будет полечче и побольше времени, так что я примусь и за это. Отвечаю на Ваши вопросы. Раскопки в Ольвии были весьма успешными. Закончили исследование гимнасия, где вышли на Ю на римский ров – здесь найден замечательный по красоте исполнения фрагмент плиты в манере стойхедон. Начато (вернее, продолжено после длительного перерыва) исследование самой площади агоры к Ю от большой стои. Выявлено и продатировано 5 горизонтов вымосток от V до III в. до н.э. Под самым ранним горизонтом обнаружено и частично раскрыто архаическое углубление, заполненное культовым материалом – найдено 5 новых граффити – посвящений Аполлону Дельфинию; 2 из них великолепные и притом пока уникальные: 1) Τύχων Ἀπόλλωνι Δελφίνωι ἀνέθηκεν; 2) – ος Ἀπόλλωνι Δελφίνωι ἀνέθηκεν. Это, вероятно, Вас заинтересует. Теперь ясно, что территория теменоса распространялась в архаику далее на Ю, а потом сократилась, что предполагал еще А.Н. Карасев. На участке Е (3) (за дикастерием) новые интересные здания VI в. Далее к западу на небольшом участке открыт прекрасный подвал кон. IV–III вв., сохранившийся на полную высоту, с каменной лестницей и цистерной. Здесь найден небольшой клад монет III в. в кошельке (19 монет). Кроме того, найдено еще 2 фрагмента надписей на

⁵ См. Виноградов Ю.Г. Декрет в честь Антестерия и кризис Ольвийского полиса в эпоху эллинизма // ВДИ. 1984. № 1. С. 51–80.

⁶ В.В. Лапин все граффити из своих раскопок на Березани передал для публикации В.П. Яйленко. (Греческая колонизация VII–III вв. до н.э. М., 1982. С. 258–308 с лит.).

известняке из дикастерия. Самое главное, что все проводимые исследования весьма перспективны, и ясно, в какую сторону их следует развивать. В Эрмитаж на конференцию я поеду с докладом "Социально-демографическая структура населения Ольвии VI–I вв.", мной заново обработан ономастологический материал и получены интересные результаты. Сейчас заканчиваю большую работу под названием "Ольвийские эпиграфические этюды" для НЭ – это моя плановая тема. Работа включает: 1) издание новых надписей; 2) пересмотр уже изданных; 3) очерк развития ранней ольвийской лапидарной палеографии; 4) очерк развития формул почетных декретов; 5) некоторые исторические наблюдения на эпиграфическом материале. Статья построена только на лапидарных памятниках, получается много любопытных выводов... Между прочим, я в этом году доследовал на Березани шурф, заложенный еще в 1970 г. на месте находки моего письма. Дата, предложенная мной, полностью подтвердилась – 2 пол. VI в., самое позднее – конец. Одна деталь Вам будет интересна – слой там довольно бедный, но в одной ямке 50 × 50 см был интенсивный золистый грунт с пережженными костями. В ней найдено 8 дельфинчиков и 7 т. наз. "намоток", хотя подобных находок во всем шурфе не было. Так что это, по всей вероятности, яма типа ботроса, она лишней раз доказывает вотивное назначение "намоток" (Москва, 1. XI. 73).

«По поводу карточки. Я теперь вплотную займусь ее пробиванием в типографию. Если это удастся, то рубрикацию лучше сделать дробной, чтобы было легче отыскивать нужную графу. Если нет, то Вы правы – сделаем суммарные графы, чтобы было меньше технической работы по изготовлению самой карточки. Аналогии я предполагал давать в графе "Комментарий". Думаю, что наводнять ими Корпус не стоит, нужно давать только к редким и малопонятным самим по себе, а не к таким, например, как *ιερή*. Это дело будущего исследования на базе Корпуса... Чисто раскопчную тему я себе в план ставить не могу – не забывайте профиль нашего ин-та... Поэтому я сейчас, обсудив это со своим шефом (а он, как и весь сектор, целиком на моей стороне), решил не ставить себе в план специально Корпус, но буду заниматься им под прикрытием какой-то другой темы. Однако в Ольвии у меня есть свой участок – в этом году буду продолжать за Никитой Шебалиным площадь агоры. Там идет интересный культовый материал, в том числе и граффити – Е.И. Леви Вам, наверное, рассказывала» (Москва, 25. V. 74).

«Эпоха, которая в политическом аспекте до сего времени молчала, сейчас заиграла во всем ее блеске. Остановлюсь только на "варварском" вопросе, который Вы затрагиваете в своем письме. Я не знаю источник Вашей информации о диссертации Кости (*Марченко. – А.Р.*), но он вовсе не "населяет Ольвию варварами". Он стремится лишь выяснить, сколько в какое время было варваров в Ольвии. И в этом отношении он, как впрочем и я на ономастике, не делаем в целом никаких ниспровергающих открытий по сравнению с устоявшимся в науке трезвым взглядом на этническую историю Ольвии (напр. в работе Книпович, МИА 50). Я говорю трезвым, имея в виду далеко не трезвый, гипертрофированный взгляд Лапина, который хочет вообще "выселить" варваров из Ольвии. И я думаю, что Ваши опасения, что получится вторая крайность в противовес Лапину, пока напрасна. Если Вы взглянете на статью Кости в СА, 1972, № 4, то увидите, что для VI–III вв. средний процент лепной керамики для жилых районов города не превышает 7%, и для общественных – 3%. Таким образом, можно быть спокойным – ионийская Ольвия "жива"! Но дело ведь не только в том, чтобы констатировать факт присутствия варваров, важно выяснить динамику развития чужеземного компонента в составе жителей города и определить его социальную и экономическую роль по периодам. Этого-то и не сделала Книпович в своей статье, это и пытаюсь сделать я. Причем я вовсе не ограничиваюсь одним только разрядом источников – ономастикой. Я привлекаю и археологию; но коль скоро я сам не могу исследовать такой материал, как лепная керамика, я использую выводы работ других ученых – в данном случае К. Марченко, не верить которому у меня оснований нет. Дело в другом, в методике. Мне, да и не только мне, а например, Д.Б. Шелову (см. его прекрасную работу в ВДИ, 1974, № 1), представляется более правильным методически отправляться именно от просопографии, а потом уже коррелировать ее с археологией, поскольку памятники материальной культуры, я бы сказал, "безмолвно говорящие". Вы сами знаете, например, как много споров ведется по этнической атрибуции скорченных погребений. Оказывается, наши с Костей выводы коррелируются. Не буду вдаваться в детали (о них Вы узнаете из моей статьи), скажу лишь об основных результатах моего исследования. На раннем этапе истории Ольвии (архаика-классика) происходит, что называется, в социологии, демографический взрыв. Первые полвека существования (1 пол. VI в.) греки обживают на новом месте, потом (с середины века) они начинают интенсивно осваивать окружающую их с/х территорию –

хору. Неизбежно в результате этого в состав жителей полиса проникает довольно большое (относительно, конечно) число варваров (скифов и фракийцев), которые сильно эллинизируются, часть из них получает гражданство и занимает в городе довольно высокое общественное положение, многие приобретают большие состояния и т.п. В конце V или начале IV в. этот процесс стабилизируется, хотя приток варваров не прекращается совсем. С другой стороны, уже втянутые в греческую орбиту чужаки постепенно теряют тесные связи с окружающей их племенной средой и поэтому теряют свой этнический облик, что выразилось прежде всего в восприятии ими греческих или смешанных антропонимов. Картина застыла до середины II в. до н.э., когда происходит новый демографический взрыв, связанный с установлением протектората Скилура. Отсюда – новый приток скифских имен и повышение удельного веса лепной керамики. Вот такова полученная картина этнической и социальной динамики. Можно ли ее назвать второй крайней точкой зрения, если всего-то варварских имен единицы на сотни греческих? Не думаю. Теперь конкретно о Скиле и Геродоте. Я написал об этом в одну популярную работу, напишу и в статью для сборника "Ольвия II", пишу и Вам. Дело в том, что в нашей науке устоялась традиционная точка зрения, причем в кругах как "проэллинистских" (Лапин & С^о), так и "проварварских" (все остальные "умеренные"). Рассказ Геродота в большой части вымысел, хотя Скил и реальное лицо. Если тут и есть рациональное зерно, то сама единичность примера показывает, насколько разобщенными были эллины и варвары (ведь последние свято оберегали свои обычаи!). Помните, как у Лапина: "Будь у нас еще десяток Скилов, они бы не изменили наших представлений" (какой пафос!). Я же хотел подойти к этому вопросу под другим углом зрения. Как говорится: сказка ложь, да в ней намек! Несомненно, в рассказе о Скиле много беллетристического вымысла: наивны побуждения доносчика-ольвиополита, карикатурен благородный гнев скифов, карающих царя-вероотступника. Но искажение Геродотом реальной действительности объясняется не только новеллистическим жанром его произведения, но и той общей концепцией, идеализирующей варваров, которая господствовала в античной историографии, начиная с Гелланика и вплоть до позднеримских писателей, Геродота нельзя назвать ярким представителем этого направления, но и он не остался от него в стороне. Возьмите 2 истории – об Анахарсисе и Скиле, разве можно придумать лучше две параллельные истории, построенные по одной и той же схеме: знатный скиф царского рода → соприкасается с греческой культурой и религией → полностью ее впитывает → возвращается на родину → неизбежно погибает от рук соотечественников. Во имя чего? А во имя того, что "отцу истории" надо доказать свой этиологический постулат: скифы жестоко карают вероотступников. Да к тому же какие религии он выбирает для противопоставления – не спокойные, вроде, Аполлона и Афины, а буйные – Кибелы и Диониса в противовес благостным скифским. Ну как тут не заподозришь Геродота в симпатиях скифам. Но раз были Скил и Анахарсис, значит были и контакты?! В рассказе о Скиле есть одна интересная деталь, которую я отношу к рациональному зерну, и которую упорно не хочет никто замечать. Ведь Скил подходил к Ольвии часто с большим войском (свитой, дружиной), входил в город один, и запирали ворота. Все восклицают – вот как хорошо, скифов даже не пускали в Ольвию! Хорошо, конечно, если наивно верить Геродоту во всем. А если уж так, то позволительно спросить: а почему же сопровождение царя, видя как он *часто* входит в город и проводит там *долгое* время, не задумалось над тем – зачем вообще Скил так часто и долго бывает в Ольвии? Может быть тогда (если, конечно, во всем верить Геродоту) не нужен был бы и доносчик – ольвиополит, показавший скифам оргиастический разврат их владыки? Ответ, по-моему, прост – скифы рассматривали подобные контакты как нормальные и сами собой разумеющиеся! К тому же останавливалась скифская свита в *προστέτοιον*, под которым Латышев понимал пустое пространство перед стенами, но мы-то теперь знаем, что это и был тот самый посад, который раскопала Козуб (можете ей сказать это, а то она его называет то поселком городского типа, то чуть ли не кварталами архаической Ольвии). Разве в этом эллинском предградии скифская *στράτις* избежала бы контакта с греками? Ну вот и все, что я хотел Вам написать. Рад был бы знать Ваше мнение⁷. В Ленинграде я уже кой-кого переубедил, хотелось бы и в Вас найти единомышленника» (Москва, 14. VII. 74).

«Стертую плиту я публиковать спешно не собираюсь – памятник настолько сложный и

⁷ Появлялись все новые источники, и взгляды Ю.Г. закономерно менялись не только относительно Скила, но и многих вопросов, касающихся истории Ольвии. Ср. *Виноградов Ю.Г.* Перстень царя Скила // СА. 1980. № 3. С. 92–109; *он же.* Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н.э. Историко-эпиграфическое исследование. М., 1989. С. 94–109.

важный, что торопиться не стоит, это пойдет только во вред делу, тем более учитывая ту ответственность, которую берет на себя всегда editor princeps. Планирую включить ее в свою монографию, тем более, что она выйдет (надпись) большая по объему. О лепной керамике. Вольно или невольно, но Вы высказали основные доводы Лапина, которые мне (да и не только) кажутся весьма абстрактными. Я тоже ничуть не сомневаюсь, что греки могли пользоваться лепной посудой, удобна она была или нет, это другой вопрос. Такую же возможность допускает и Костя Марченко, особенно что касается лепных подражаний греческим образцам. Но ответьте мне на один вопрос: почему ольвиополиты – (греки?) точно повторяли в своей лепной посуде формы и орнаментации не своей кухонной и столовой кружальной керамики, а лепняков тясминского, посульского и т.д. вариантов скифской культуры? Почему при этом лепная керамика из греч. поселений Прикубанья полностью идентична меотским образцам и т.п.? Почему ближе на запад появляются фракийские образцы? А потому, что аргументация эллинской принадлежности лепной керамики из греч. полисов СП находится пока в стадии чисто умозрительной, в то время как противоположная концепция имеет твердую опору в окружающей данный полис варварской среде! Ведь как Лапин ни пытается привлечь материал из Греции, он пока не привел ни одного примера, кроме ошибочно или сознательно подтасованных им, да детских лепных сосудиков из погребений. То же самое и со скорченниками – нет их в Греции позже VII в.! Мы можем и не найти "чистых" жилых комплексов варваров в Ольвии, я думаю, что большинство скифов и др. негреков имели в Ольвии довольно низкий соц. статус и обитали в греческих ойкосах, где основной набор керамики был греческим. А те из варваров, кто стоял выше на соц. лестнице, довольно рано (а это вполне закономерно!) эллинизовались, начавши пользоваться той же греческой посудой. Вообще было бы даже странно, чтобы в столь мощной культурной эллинской среде – в стенах полиса, варвары сохранили бы свой незапятнанный этнический облик. Короче говоря, спорить можно было бы долго, если хотите – оставим это на личную встречу. "Демографический взрыв" – это, конечно, красное слово для письма, а не для статьи. Теперь самое главное. Мне было интересно услышать от Вас впервые, как я знаю, широко распространенную в Киеве так называемую "теорию синойкизма", инициатором которой, насколько я опять же знаю, выступает все тот же Лапин. Правда у Вас она прозвучала в очень осторожной форме, но суть ее от этого не меняется. Действительно, а какие у нас есть основания говорить, что Ольвия была основана раньше поселений хоры и сама начала их основывать? Может быть все было наоборот – они основали Ольвию? Я должен Вам сразу сказать, что я и мои ленинградские коллеги по экспедиции – решительные противники этой теории. Ради бога на меня не обижайтесь, ведь хоть и *amicus Plato, sed magis amica est veritas*. Гносеология этой концепции лежит, как мне кажется, в нашей совместной беде, а может быть, и вине – разобщенности экспедиций Киева и Ленинграда многие годы и потому в совершенно недостаточном обмене информацией по поводу одного и того же памятника(!). Вольно или невольно, но Вы сослались на раскопанные Вами тринадцать землянок и, наверное, только в самых общих чертах знаете, что мы в нескольких десятках метров от Вас раскрываем мощнейшие архаические слои VI в. (каких не дает порой даже Березань!) с развитым каменным строительством (наряду с землянками, конечно), все это еще не опубликовано и когда только будет! Мы приезжаем в Ольвию и смотрим на раскопы друг друга, видим кладки, землянки, ямы и не знаем слоев, как они датируются и т.д. Картина же сейчас такова. Самое раннее поселение в Побужье – Березань, сейчас уже можно точно говорить, что там есть комплексы 40-ых годов VII в. Материал поселений хоры смотрел отчасти я сам, отчасти могу положиться на мнение таких людей, как Копейкина, Марченко, Доманский. По старым поселениям (Широкая, Закисова и т.д.) нет никаких материалов раньше 2 пол. VI в. Мне было бы очень важно и интересно знать, какую керамику из Бейкуша Вы датируете концом VII–I пол. VI в. Если можно, напишите точно – центры, стили, датировку. Но даже если Бейкуш основан и в I пол. VI в., то это тоже не меняет дела – одно-два поселения в непосредственной близости от Березани могли быть выведены и прямо с нее без участия Ольвии. Главное все-таки, что на всем Правобережье от Николаева до Очакова – Ольвия с сер. VI в. самый мощный центр, причем явно полисного облика (ср. площадь, занимаемую архаикой, планировку города, общественные сооружения – меенос, одно здание раскопано у нас и т.д.). И при этих данных обычная схема, имеющая массу аналогий в истории греч. колонизации: первоначальный опорный пункт (Березань), полис (Ольвия), освоение хоры – имеет гораздо больше шансов на существование, чем мифическая теория о синойкизме. Именно мифическая, поскольку, например, Тезеев синойкизм Аттики из демонов действительно уходит в глубь мифического прошлого, в историческое же время синойкизмом объединялись полисы(!).

Цель Лапина в этой теории (не Ваша – боже упаси) мне тоже ясна: оправдать свою "боннардовскую" теорию, построенную на одностороннем понимании высказывания Маркса: вся греч. колонизация была порождена относительным перенаселением, тем, что грекам нечего было кушать – "голодное брюхо оснащало корабли"! Остается ответить только на один вопрос: что же в Милете (кстати, богатом и процветавшем до персидского разгрома) греческие женщины рожали, как кошки, что милетяне с голодухи всего за несколько десятилетий(!) вывели 80 колоний, а то и больше?! Итак, по Лапину, они и приехали на берега Гипаниса и Борисфена и сразу же, как голодные овцы, разбрелись по деревням в поисках подножного корма. Греческая колонизация имела много причин, и сводить все к одной – значит полностью отказаться от диалектики. Да если уж и быть таким начетчиком, то можно вспомнить другое высказывание Маркса о неразвитости и неусовершенствовании средств производства на всем протяжении античной формации. Как же тогда объяснить, что наиболее интенсивно колонизация проходила только в VII–VI вв.? Ну ладно, простите, я слишком дал волю своему пафосу, в этих вопросах надо разбираться спокойно и совместно, а поэтому, как мне думается, надо чаще обмениваться информацией, устраивать диспуты, конференции, смотреть материал друг друга и т.п. Хотелось бы надеяться, что теперь Ольвия этого наконец дождется» (Москва, 6. VIII. 74).

«Я не хотел бы сейчас возвращаться к дискуссии о синойкизме, варварам и пр. Лучше напишу Вам подробнее из Москвы, или поговорим при встрече в Киеве. Замечу только, что эта теория прямо высказана Лапиным в его книге. Мне было бы очень интересно познакомиться с теми бейкушскими материалами, которые Вы считаете наиболее ранними. Особенно с расписной керамикой, так как вы прекрасно понимаете, что в таких вопросах нельзя опираться на материалы, датирующиеся широко, например, возникающие в первой половине VI в. амфоры и лепняк, но доживающие без заметной модификации до конца VI в. (а именно так и датировал Вашу лепную керамику Костя Марченко). Был бы Вам очень признателен, если бы Вы прислали обещанную справку и фото или рисунки. Я кое-что слышал о результатах работ Вашей экспедиции, но в основном из вторых рук. Был бы рад, если бы Вы смогли их подробно описать... Теперь о наших работах. Во главе Елена Ивановна (*Леви. – А.Р.*), чувствует она себя хорошо, ее зам – К.К. Марченко, я копаю участок Е центр, т.е. площадь агоры напротив стои, М.П. Ваулина, которую сейчас должна сменить Л.В. Копейкина, продолжает раскоп на запад от дикастерия (Е (4); В.И. Пругло копает рядом эллинистический дом с подвалами и каменной лестницей; Костя и Я.В. Доманский ведут работы на периферии, к ним подключаюсь и я. На Е (4) у Ваулиной исследуются подвалы, землянки и ямы ниже большого здания с псевдополигональной кладкой, пока особо ярких находок нет. Пругло открыла второй подвал и целую серию ям от архаического до римского времени, раскрывает цистерну в первом подвале. Найдено интересное граффито VI в. – на ножке килика полный алфавит... это явно не Иония, хотя остальные буквы ионийские. Вверху еще одно кольцо (остатки) с магическими знаками и отдельными буквами. Теперь о моем участке. Выверена стратиграфия вымосток агоры, их 5 горизонтов от начала V по III в. В послезопионовское время площадь (или ее часть) была замощена плитами. Полностью раскрыто огромное углубление VI в. под самой ранней вымосткой. Оказалось, что это семь последовательно сменявших друг друга культовых ям – ботросов или же, скорее, углублений для сброса культового инвентаря. Они идут по хорде, ограничивая архаический теменос с юга. Найдено 7 новых посвящений Аполлону Дельфинию и конец прошлогоднего. Одно очень интересное и странное – τῆς αὐτῆς. vas. Много прекрасной росписи, но один обломок просто шедевр: на килике типа мелкофигурного голова Афины изумительной работы. На обратной стороне граффито: Δἰοῦρέ[ν]ης ἀνέθηκεν[?]. Несколько склеивающихся фрагментов раннеаттической амфоры 1 пол. VI в. – 5 юношей, между центральной парой собака. В общем, закрытый комплекс (*terminus ante quem* – начало V в.). На хоре копаем поселение Козырка II (конец VI – 1 пол. III в.), очень интенсивное каменное строительство. Были в Лиманах, на позднеклассическом поселении шурфовкой установили стратиграфию. Потом встречались с Ключенцевым, получили полную информацию и смотрели материалы» (Ольвия, 26.IX.74).

«Я тоже только что показывал Ваши черепки Люсе (*Копейкиной. – А.Р.*), и она мне сказала, что она их, действительно, раньше смотрела в оригинале и считает, что они доходят до сер. и даже слегка могут заходить во 2 пол. VI в. Вообще же датировка подобного рода козлов очень расплывчатая.

Об Ольвии 1 пол. VI в. Во-первых, я считаю, как впрочем, и мои коллеги по экспедиции (включая и Е.И.), что город был одновременно основан и внизу и вверху. Это доказывается

тем, что терракота, которую издала Е.И. в СА VII, была найдена уже на первой нижней террасе; кроме того, в верхнем городе есть сооружения, построенные в I пол. VI в. и не только землянки, а монументальные общественные здания на псевдополигональном цоколе, которое мы кончили раскрывать только в этом году на Е (3). Это датировка Люси, и у меня нет основания ей не доверять. Это здание, как и прилегающие к нему подвалы и землянки доказывают, что город был распланирован не позже сер. VI в., так как сейчас выясняется, что в это время агора не была застроена, т.е. место под нее уже было отведено. Кроме того, здание и подвалы имеют определенную планировку и ориентацию, сохраняющуюся вплоть до гетского разгрома. То же и с теменосом – ведь там нет ни одного жилого комплекса VI в. Потом, было бы безумием в стратегическом отношении селиться только в нижнем городе: какие бы мирные отношения с окружающими варварами ни существовали, эта котловина была бы для греков мышеловкой. Что же касается времени образования государства, то на этот счет у меня свои соображения. Вы их сможете прочесть в моей статье в сборнике памяти Фармаковского, который скоро должен выйти (написана в 1970 г.)⁸. Скажу только, что я считаю в отличие от Лапина, что греки не выселялись из метрополии неорганизованной толпой и сразу же разбежались по деревням, а потом уже путем синойкизма создавали государство. Нет, они везли с собой из Милета в апойкию уже сложившийся гос. аппарат с определенными органами управления, своего рода *status in statu*. Эта мысль вовсе не моя, хочу заметить только, что в отношении Ольвийского полиса картина была сложнее (усложнена до – возникновением Березани), хотя и достаточно типична для греческой колонизации в целом. Я думаю, что основной колонизационный поток шел из Милета, в него влились в какой-то мере жители Березани (тоже ионийцы, милетяне – ?) и какая-то часть дорян (родосцы, я писал об этом в СА, 1971, № 2 – если у Вас нет моего оттиска, я Вам пришлю). Таковы, вкратце, основные идеи; не сомневаюсь, что дальнейшие раскопки и наша совместная работа над уже добытым материалом что-то будет уточнять, а что-то изменять – жизнь, как известно, всегда сложнее всяких схем. Надо только работать, и желательно – совместно. Теперь о другом. Нам надо начинать двигать Корпус граффити. Постараюсь в ближайшее время – до конца года, графически оформить карточку и послать Вам на обсуждение. Я только что говорил с А.М. Тарадаш, она обещала мне подобрать в ОГАМ все березанские граффити. Среди них есть очень интересные. Она показала мне фото фрагмента фikelлюрной амфоры (кажется, 2 четв. VI в.), где по плечикам идет: ΝΟΣΕΜΙΙΝ, т.е. Ἀπόλλωνος ἑμι Ἰη[τρὸς – без сомнения. Самое раннее свидетельство о почитании Аполлона Врача в Нижнем Побужье! В ближайшие 2 месяца собираюсь закончить не столь большую коллекцию ГИМа, а потом перейти к Л-ду. Давайте потихоньку будем действовать, а то дело у нас из-за текучки дел замерло на мертвой точке»⁹ (Москва, 9.XI.74).

Из этих немногих писем Ю.Г. Виноградова, когда ему еще не было и 30-ти, видно, сколь активно, целеустремленно и с какой огромной увлеченностью он работал, выкристаллизовывая постепенно собственную научную концепцию политической истории Ольвийского полиса. В итоге следует констатировать, что он стал превосходным ее исследователем, внесшим неоценимый вклад не только в изучение Ольвии, но и всего Причерноморья в античную эпоху.

И в заключение можно также отметить, что собственно чистая эпиграфика меня никогда не интересовала. Более того, со временем я вообще поняла, какая это трудная и увлекательная, но вместе с тем крайне неблагоприятная наука. Когда перед тобой оказывается новая, еще никем не прочитанная надпись, ты с замиранием сердца традишь на нее массу времени и творческих сил. Однако после ее публикации не услышишь благодарности от оппонентов, которые (каждый с «высоты собственного полета») даже не пытаются осознать, что они уже идут по проторенному, значительно более легкому пути с одной един-

⁸ См. Виноградов Ю.Г. О политическом единстве Березани и Ольвии // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976. С. 75–84; *Vinogradov Ju.G. Pontische Studien*. Mainz, 1997. S. 133–145.

⁹ После того как была напечатана эпиграфическая карточка, было обработано много граффити из разных доступных нам коллекций, однако завершить этот огромный труд мы тогда не смогли в силу различных, не зависящих от нас обстоятельств, главным образом из-за невозможности издать Корпус на должном полиграфическом уровне ни в России, ни тем более в Украине как в советское, так и послесоветское время. Насколько мне известно, Ю.Г. вел переговоры с западными эпиграфистами и не терял надежды, что Корпус граффити, а также Корпус лапидарных надписей все-таки удастся издать.

ственной мыслью, во чтобы то ни стало отыскать ошибки первоиздателя. Поэтому важнейшей из заслуг Ю.Г. я считаю его удивительную силу духа и смелость как ученого и человека, который несмотря на ряд критических статей, лишенных нередко какой-либо научной этики, до конца своей жизни остался верен эпиграфике.

«И последний аккорд в этом дивертисменте: меня ничуть не удивляют доходящие до Вас слухи о моих вакхических пристрастиях, как и отсутствие оных о том, что Ю.В. запойно работает, не помышляя даже о (безалкогольном) пиве, когда творит что-то новое, ибо мои абстинирующие доброжелатели по вполне понятным причинам стесняются сопоставить ratio его научно-профессорской нагрузки + печатную реализацию его запойного творчества и объемом консумированных им напитков в пересчете на чистый алкоголь со своим собственным КПД, ибо пропорция окажется явно не в их пользу. Прошу Вас относиться к подобным слухам, как и я, спокойно, всегда критически взвешивая, cui prodest, ибо то же самое говорили (и публиковали даже в мемуарах на Западе!) и о М.И. Ростовцеве, что для разумных людей, вроде меня, никоим образом не служит оправданием, коль скоро об уровне и жизне-способности наших писаний вправе судить один лишь Хронос. Но об этом довольно, как писал Отец истории» (Москва, 19. III. 2000).

А.С. Русяева

© 2001 г.

ПОХВАЛА УЧИТЕЛЮ

Трагически погиб не просто стержневой сотрудник редакции журнала «Вестник древней истории». Хотя одного этого было бы достаточно, чтобы считать утрату невосполнимой.

Нет. Ушла эпоха русской классической историко-филологической школы антиковедения. Она отмечена именами таких титанов, как Ф.Ф. Соколов, В.В. Латышев, М.И. Ростовцев, Б.Н. Граков. Благодаря Ю.Г. Виноградову она продлилась на 30 лет и теперь охватывает более полутора веков. Могла перешагнуть рубеж (так ставил ударение покойный) миллениума. Не сложилось.

Парадоксально, но его приход в гуманитарную сферу знания был в известной степени случайностью. В ранней юности он очень увлекался химией. Судьбу решил неудачный исход одного опыта, в течение которого молодой экспериментатор получил легкую травму. Врачей, обрабатывавших его рану, он поразил тем, что во время процедуры наизусть называл химические формулы применявшихся медицинских препаратов.

Однако этот казус отбил у школьника большую охоту продолжать карьеру химика. И всю силу системного мышления и присущей прикладным наукам въедливости он обрушил на изучение археологии и древнегреческой филологии. Впрочем, первая требует от серьезного ученого умения разбираться в вопросах не только химии, но и биологии, ботаники, почвоведения, зоологии, климатологии, экологии, гидрологии и т.д. Так нам был подарен феномен Виноградова. Он отличался стремительным просчитыванием всех мыслимых вариантов интерпретации материала, выбором из них оптимального решения и самым пристальным вниманием к мелочам.

Благодаря перечисленным качествам за ним довольно быстро утвердилось репутация везучего человека. Не согласен. Везет тому, кто делает все необходимое для того, чтобы пришла удача. Такой мировой гений, как Моцарт, однажды сказал: «Талант – это дарование плюс трудолюбие». Обоим Ю.Г. было не занимать.

Мы познакомились в октябре или ноябре (точно не помню) 1970 года, когда я по совету моего дяди решил, не откладывая, заняться изучением древнегреческого языка. Руководитель археологического кружка, в котором я занимался при ГМИИ им. А.С. Пушкина, И.Р. Пичилян, нашел и преподавателя, который согласился обучать меня за два с половиной в неделю (одно занятие). Баронета, как он изъяснился. Позднее я узнал, что это студенческое прозвище. А тогда (далее объясню, почему) принял титул за чистую монету. Так первый (Д.Б. Шелов) и последний (Ю.Г. Виноградов) ученики Б.Н. Гракова надолго определили мое будущее.

Для начинающего исследователя то был период написания кандидатской диссертации, посвященной классификации фасосских клейм и сразу ставшей классической, и одной из